

*Посвящается всем ведущим
монотонную жизнь с пожеланиями
хоть опосредованно испытать
удовольствия и опасности приключения*

Пролог

Было два часа дня 7 мая 1915 года. «Лузитанию»¹ одна за другой поразили две торпеды, и пароход начал быстро погружаться. Матросы поспешно спускали шлюпки. Женщин и детей выстраивали в очередь. Жены и дочери судорожно обнимали мужей и отцов, молодые матери крепко прижимали к груди младенцев. Чуть в стороне стояла совсем еще юная девушка, лет восемнадцати, не больше. Она, казалось, не испытывала страха — ясные серьезные глаза спокойно смотрели в морскую даль.

— Прошу прощения, — раздался рядом с ней мужской голос.

Девушка, вздрогнув, обернулась. Этого мужчину она уже не раз замечала среди пассажиров первого класса. Было в нем нечто таинственное, бердившее ее фантазию. Он заметно сторонился остальных пассажиров. Если к нему обращались, он тут же пресекал все попытки завязать разговор. А еще у него была привычка нервно и подозрительно оглядываться через плечо.

¹ «Лузитания» — пассажирский пароход союзников, на котором находилось свыше тысячи человек, в том числе и американцы, был потоплен немцами в ходе объявленной ими «беспощадной» подводной войны против Антанты.

Сейчас он был чрезвычайно взволнован. Его лоб был покрыт капельками пота.

Она не сомневалась, что этот человек способен мужественно встретить смерть, тем не менее он явно находился во власти панического страха.

— Да? — Взгляд ее выражал участие.

Но он смотрел на нее в нерешительности, почти с отчаянием.

— А что поделаешь? — пробормотал он словно самому себе. — Другого выхода нет! — И уже громче отрывисто спросил: — Вы американка?

— Да.

— И патриотка?

Девушка вспыхнула.

— Разве можно спрашивать о таких вещах?

Конечно, патриотка.

— Не сердитесь. На карту поставлено слишком много. Я вынужден довериться кому-то. Причем женщине.

— Но почему?

— «Женщины и дети первыми в шлюпки!» Вот почему. — Торопливо оглядевшись по сторонам, мужчина понизил голос. — Я везу документ. Чрезвычайной важности. Он может сыграть решающую роль в судьбе союзных держав. Понимаете? Его необходимо спасти! И у вас на это несравненно больше шансов, чем у меня. Ну что, возьмете?

Девушка молча протянула руку.

— Погодите... Я обязан вас предупредить. Это сопряжено с риском... если меня выследили. Но, по-моему, я ускользнул. Однако как знать? Если

все-таки выследили, вам будет угрожать большая опасность. Хватит у вас духа?

Девушка улыбнулась.

— Хватит. Я горжусь тем, что вы выбрали меня. Ну а потом что мне делать?

— Следите за колонкой объявлений в «Таймс»¹. Мое будет начинаться с обращения «Попутчица!». Если оно не появится в течение трех дней... Значит, я вышел из игры. Тогда отвезите пакет в американское посольство и отдайте послу в собственные руки. Все ясно?

— Все.

— Тогда приготовьтесь! Пора прощаться. — Он взял ее руку и уже громко произнес: — Прощайте! Желаю удачи!

Ее пальцы сжали клеенчатый пакет, до последнего момента скрытый в его ладони.

«Лузитания» все заметнее кренилась на правый борт. Девушку окликнули, и она спустилась в шлюпку.

¹ «Т а й м с» — ежедневная газета консервативного направления, выходящая в Лондоне с 1785 года.

Глава 1

МОЛОДЫЕ АВАНТЮРИСТЫ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

— Томми, старый черт!

— Таппенс, старая перечница!

Обмениваясь этими дружескими приветствиями, молодые люди на секунду застопорили движение на выходе из метро на Дувр-стрит. Словечки «старый» и «старая» были не слишком точны — общий возраст этой парочки не достигал и сорока пяти.

— Сто лет тебя не видел! — продолжал молодой человек. — Куда ты летишь? Может, перехватим где-нибудь пару плюшек? А то здесь нам, того и гляди, врежут — перегородили проход. Пошли отсюда!

Девушка кивнула, и они зашагали по Дувр-стрит в сторону Пикадилли¹.

— Так куда мы направимся? — осведомился Томми.

Чуткие уши мисс Пруденс Каули, по некоей таинственной причине которую в кругу близких людей звали Таппенс², не преминули уловить легкую тревогу в его голосе.

¹ Пикадилли — одна из главных улиц в центральной части Лондона.

² Прозвище мисс Каули звучит так же, как название двухпенсовой монетки.

— Томми, ты на мели! — безапелляционно заявила она.

— Да ничего подобного! — запротестовал Томми. — Кошелек еле застегивается.

— Врать ты никогда не умел, — сурово изрекла Таппенс. — Разве что сестре Гринбенк, когда ты внушил ей, что тебе назначено пиво для поднятия тонуса, просто врач забыл вписать это в карту. Помнишь?

— Еще бы! — Томми засмеялся. — Матушка Гринбенк шипела точно кошка, когда дело прояснилось. Хотя вообще-то неплохая была старушенция! Госпиталь — наш госпиталь! — тоже, наверное, расформирован?

— Да. — Таппенс вздохнула. — Тебя демобилизовали?

— Два месяца назад.

— А выходное пособие? — осторожно спросила Таппенс.

— Израсходовано.

— Ну, Томми!

— Нет, старушка, не на буйные оргии. Где уж там! Прожиточный минимум нынче — самый минимальный минимум — составляет, да будет тебе известно...

— Детка! — перебила его Таппенс. — Относительно прожиточных минимумов мне известно все, и очень хорошо известно... А, вот и «Лайонс»!¹ Чур,

¹ «Л а й о н с» — название типовых кафе и ресторанов одноименной фирмы.

каждый платит за себя. Идем! — И Таппенс направилась к лестнице на второй этаж.

Зал был полон. Бродя в поисках свободного столика, они невольно слышали обрывки разговоров.

— ...и знаешь, она села и... да-да, и расплакалась, когда я ей сказал, что надеяться на квартиру ей в общем нечего...

— ...ну просто даром, дорогая! Точь-в-точь такая же, какую Мейбл Льюис привезла из Парижа...

— Поразительно, чего только не наслушаешься! — шепнул Томми. — Утром я обогнал двух типчиков, которые говорили про какую-то Джейн Финн. Нет, ты слышала когда-нибудь подобную фамилию!¹

Тут как раз две пожилые дамы встали из-за стола и принялись собирать многочисленные свертки. Таппенс ловко проскользнула на освободившийся стул. Томми заказал чай с плюшками, Таппенс — чай и жареные хлебцы с маслом.

— И чай, пожалуйста, в отдельных чайничках, — добавила она строго.

Томми уселся напротив нее. Его рыжие волосы были гладко зализаны, но некрасивое симпатичное лицо не оставляло сомнений: перед вами джентльмен и любитель спорта. Безупречно сшитый коричневый костюм явно доживал свои дни.

Оба они смотрелись очень современно. Таппенс — не то чтобы красавица, но маленькое ее ли-

¹ Фамилия Финн характеризует человека по национальности, по принадлежности к финнам.

чико с волевым подбородком и большими широко расставленными серыми глазами, задумчиво глядящими на мир из-под прямых черных бровей, не было лишено очарования. На черных, коротко остриженных волосах кокетливо примостилась зеленая шапочка, а далеко не новая и очень короткая юбка открывала на редкость стройные ножки. Весь ее вид свидетельствовал о мужественных усилиях выглядеть элегантно.

Но вот наконец им принесли чай, и Таппенс, очнувшись от своих мыслей, разлила его по чашкам.

— Ну а теперь, — сказал Томми, впиваясь зубами в плюшку, — давай обменяемся информацией. Мы же не виделись с самого госпиталя, то есть с шестнадцатого года.

— Ну что ж! — Таппенс откусила кусок жареного хлебца. — Краткая биография мисс Пруденс Каули, пятой дочери архидьякона Каули из Малого Миссенделла, графство Суффолк¹. В самом начале войны мисс Каули, презрев прелести (и докучные обязанности) домашней жизни, едет в Лондон и поступает на работу в офицерский госпиталь. Первый месяц: каждый день перемывает шестьсот сорок восемь тарелок. Второй месяц: получает повышение и перетирает вышеперечисленные тарелки. Третий месяц: получает повышение и переводится на чистку картошки. Четвертый месяц: получает повышение и намазывает маслом ею же нарезанный хлеб. Пятый месяц: получает повышение

¹ Суффолк — графство в восточной части Англии.

на следующий этаж с возложением на нее обязанностей санитарки и вручением ей швабры и ведра. Шестой месяц: получает повышение и прислуживает за столом. Седьмой месяц: на редкость приятная внешность и хорошие манеры обеспечивают ей очередное повышение — теперь она накрывает стол для самих палатных сестер! Восьмой месяц: печальный срыв в карьере. Сестра Бонд съела яйцо сестры Уэстхевен. Великий скандал! Виновата, естественно, санитарка. Недопустимая халатность в столь ответственном деле! Назад к ведру и швабре! Какое крушение! Девятый месяц: опять повышение — подметает палаты, где и натывается на друга детства в лице лейтенанта Томаса Бересфорда (Томми, где твой поклон!), которого не видела долгих пять лет. Встреча трогательная до слез. Десятый месяц: строгий выговор от старшей сестры за посещение кинематографа в обществе одного из пациентов, а именно: вышеупомянутого лейтенанта Томаса Бересфорда. Одиннадцатый и двенадцатый месяцы: возвращение к обязанностям уборщицы, с которыми справляется блестяще. В конце года покидает госпиталь в сиянии славы. После чего, обладающая множеством талантов, мисс Каули становится шофером и возит сначала продуктовый фургон, грузовик, затем генерала. Последнее оказалось самым приятным. Генерал был молод.

— Кого же из них? — спросил Томми. — Просто тошно вспомнить, как эти хлыщи катали из Воен-

ного министерства в «Савой»¹ и из «Савоя» в Военное министерство.

— Фамилию его я позабыла, — призналась Таппенс. — Но вернемся к теме. В известном смысле это был мой высший взлет. Затем я поступила в правительственное учреждение. Какие дивные чаепития мы устраивали! В мои планы входило испробовать себя на сельскохозяйственных работах, поработать почтальоншей, а завершить карьеру на посту автобусной кондукторши — но грянуло перемирие. Пришлось, точно пиявке, присосаться к своему учреждению на долгие-долгие месяцы, но, увы, в конце концов от меня избавились. С тех пор никак не устроюсь. Ну а теперь твоя очередь — рассказывай!

— В моем послужном списке повышений куда меньше, — не без горечи сказал Томми. — Сплошная рутина, никакого разнообразия. Как тебе известно, меня снова отправили во Францию. Потом в Месопотамию², где я опять угодил под пулю. Отлеживался в тамошнем госпитале. Потом до самого перемирия застрял в Египте, поболтался там некоторое время и был демобилизован, как я тебе уже

¹ «С а в о й» — фешенебельный лондонский ресторан того времени.

² М е с о п о т а м и я — древнее название страны, расположенной в Междуречье, между реками Тигр и Евфрат, где в 1914—1915 годах шли ожесточенные бои между высадившимся здесь английским экспедиционным корпусом и турками, сражавшимися на стороне Германии; сейчас это территория Ирака.

говорил. И вот уже долгие десять месяцев мучаюсь в поисках места! А мест нет. Или, если и есть, меня на них не берут. Какой от меня толк? Что я смыслю в бизнесе? Ровным счетом ничего.

Таппенс угрюмо кивнула.

— А как насчет колонии? — Она вопросительно взглянула на него.

Томми мотнул головой.

— Вряд ли мне там понравится, и уж я там точно придусь не ко двору.

— Может, богатые родственники?

Томми еще раз мотнул головой.

— О, Томми, ну, хотя бы двоюродная бабушка!

— Есть у меня старик дядя, который более или менее преуспевает. Но он не в счет.

— Да почему?

— Он хотел усыновить меня, а я отказался.

— Кажется, я что-то об этом слышала... — задумчиво произнесла Таппенс. — Ты отказался из-за матери...

Томми покраснел.

— Ну да, представляешь ее положение. Ведь, кроме меня, у нее никого не было. А старикан ее ненавидел. И хотел забрать меня просто назло ей.

— Твоя мать ведь умерла? — тихонько спросила Таппенс.

Томми кивнул, и ее большие серые глаза затуманились.

— Ты настоящий человек, Томми, я это всегда знала.

— Чушь! — буркнул Томми. — Вот такие мои дела. Я уже на пределе.

— Я тоже! Держалась, сколько могла. Исходила все конторы по найму. Бежала по каждому объявлению. Хваталась за любую возможность. Экономила, скарденничала, во всем себе отказывала! Все без толку. Придется вернуться под отчий кров.

— А тебе неохота?

— Конечно, неохота! К чему сентиментальничать. Папа — прелесть, и я его очень люблю, но ты и вообразить не можешь, какой я для него крест! Этот ярый викторианец¹ убежден, что короткие юбки и курение неприличны и безнравственны. Я для него хуже занозы, сам понимаешь. Когда война забрала меня, он вздохнул с облегчением. Видишь ли, нас у него семеро. Просто кошмар! С утра до вечера домашнее хозяйство, да еще заседания в клубе матерей! Я всегда была кукушонком. Так не хочется возвращаться. Но, Томми, что мне еще остается?

Томми грустно покачал головой. Наступившее молчание снова нарушила Таппенс:

— Деньги! Деньги! Деньги! С утра до ночи я думаю только о деньгах. Наверное, я чересчур меркантильна, но что с собой поделаешь?

— Вот, и со мной так же, — согласно кивнул Томми.

¹ Эпоха королевы Виктории (1837—1901) считается эпохой господства лицемерной буржуазной морали, чопорности и нетерпимости.

— Я перебрала все мыслимые и немыслимые способы оказаться при деньгах. Впрочем, их набралось только три, — продолжала Таппенс. — Получить наследство, выскочить за миллионера и заработать. Первое отпадает. Богатых дряхлых родственников у меня нет. Все мои престарелые бабушки и тетушки доживают свой век в приютах для неимущих дам и девиц благородного происхождения. Я всегда перевожу старушек через дорогу и подаю оброненные свертки старичкам, в надежде, что они окажутся эксцентричными миллионершами или миллионерами. Но ни один из них не пожелал узнать моего имени, многие даже и «спасибо» не скажали.

Они помолчали.

— Естественно, самый верный шанс — это брак, — продолжала Таппенс. — Я чуть не подростком подумывала выйти замуж за богатенького! А что? Достойное решение для всякой разумной девицы. Ты же знаешь, что я не сентиментальна. — Она помолчала. — Ну скажи, разве я сентиментальна? — в упор спросила она.

— Конечно, нет, — торопливо согласился Томми. — Никому и в голову не придет заподозрить тебя в этом!

— Не слишком лестно! — возразила Таппенс. — Впрочем, ты, я полагаю, просто неудачно выразилась. Ну и вот: я готова, я стражду, но ни одного миллионера на примете. Все мои знакомые молодые люди сидят на мели, как и я.

— Ну а генерал? — осведомился Томми.

— По-моему, в мирное время он торгует велосипедами, — пояснила Таппенс. — Вот так! Но ведь ты-то можешь жениться на богатой.

— У меня тоже никаких перспективных знакомств.

— Ну и что? Взял бы да познакомился. Ты ведь мужчина. Я же не могу, подсторожив у «Ритца»¹ какого-нибудь типа в меховом пальто, остановить его и брякнуть: «Послушайте, вы человек богатый. Мне бы хотелось с вами познакомиться!»

— А мне ты советуешь подкатиться с такими словами к соответственно одетой девице?

— Не говори глупостей! Ты же можешь наступить ей на ногу, поднять ее носовой платок или еще что-нибудь в этом роде. Она поймет, что ты хочешь с ней познакомиться, обрадуется и остальное возьмет на себя.

— Боюсь, ты переоцениваешь мое мужское обаяние, — вздохнул Томми.

— Ну а мой миллионер, скорее всего, бросится от меня как ошпаренный! Нет, на брак по расчету надеяться нечего. Остается, стало быть, «сделать» деньги!

— Но мы ведь попробовали, и у нас ничего не получилось, — напомнил Томми.

— Мы испробовали все общепринятые способы, верно? А если попробовать что-нибудь неординарное? Томми, давай станем авантюристами!

¹ «Р и т ц» — фешенебельная лондонская гостиница на улице Пикадилли.

— Идет! — весело ответил Томми. — С чего начнем?

— В том-то и загвоздка. Если бы мы могли себя чем-нибудь зарекомендовать, то нас нанимали бы для совершения разных преступлений.

— Восхитительно! — заметил Томми. — И особенно в устах дочери священника.

— Нравственная ответственность падет на работодателей, — возразила Таппенс. — Согласись, есть все-таки разница: украсть бриллиантовое кольцо для себя или для того, кто тебя нанял.

— Если тебя поймают, никакой разницы не будет!

— Возможно. Но только меня не поймают. Я жутко умная.

— Твоим главным грехом всегда была скромность, — вздохнул Томми.

— Не ехидничай. Послушай, Томми. Может, правда попробуем? образуем деловое товарищество.

— Компания по краже бриллиантовых колец с ограниченной ответственностью?

— Ну, кольцо это я так, для примера. Давай организуем... как это в бухгалтерии называется?

— Не знаю. Я никогда не имел дел с бухгалтерией.

— В отличие от меня. Только я всегда путалась и заносила убытки в графу прибыли, а прибыль в графу убытков, за что меня и уволили... Вспомни-ла! Совместное предприятие!¹ Когда я встретила

¹ Здесь игра слов. В английском языке коммерческая деятельность и приключение обозначаются одним и тем же словом, поэтому в данном контексте совместное предприятие и совместное приключение имеют один и тот же смысл.

это название среди занудных цифр, мне оно показалось ужасно романтичным. Есть в нем какой-то елизаветинский привкус: напоминает о галеонах и дублонах!¹ Совместное предприятие!

— «Молодые авантюристы» с ограниченной ответственностью? Так и назовем, а, Таппенс?

— Смейся, смейся, но, по-моему, в этом что-то есть.

— Ну и как ты собираешься находить потенциальных клиентов?

— Через объявления, — не задумываясь ответила Таппенс. — У тебя не найдется листок бумаги и карандаш? Мужчины, по-моему, всегда их носят с собой, ну, как мы — шпильки и пудреницы.

Томми протянул ей довольно потрепанную зеленую записную книжку, и Таппенс начала деловито царапать карандашом.

— Начнем так: «Молодой офицер, дважды раненный на фронте...»

— Ни в коем случае!

— Как угодно, мой милый. Но, поверь, именно эта фраза может растрогать сердце богатой старой девы, она тебя усыновит, и тебе уже не придется идти в молодые авантюристы.

— Я не хочу, чтобы меня усыновляли.

¹ Королева Елизавета I правила Англией в 1558—1603 годах; век Елизаветы — период возвышения Англии, роста ее морского могущества в борьбе с Испанией за ее американские владения; г а л е о н — большой испанский торговый или военный корабль с тремя или четырьмя палубами; д у б л о н — старинная испанская золотая монета.

— Да, совсем забыла, у тебя на этот счет идиосинкразия. Не сердись, я просто пошутила. В газетах, полным-полно таких историй... Ну, а если так? «Два молодых авантюриста готовы заняться чем угодно и отправиться куда угодно. За приличное вознаграждение». Это надо, чтобы было ясно с самого начала. Да! Еще можно добавить: «Любое предложение в пределах разумного будет принято» — ну, как с квартирами и мебелью.

— По-моему, любое предложение в ответ на такое объявление может быть только очень неразумным!

— Томми, ты гений! Так куда шикарнее. «Любое неразумное предложение будет принято — при соответствующей оплате». Ну как?

— Я бы про оплату больше не упоминал. Звучит как-то назойливо.

— Ну, так оно и есть. И даже более того! Впрочем, может, ты и прав. А теперь я прочту, что получилось: «Два молодых авантюриста готовы заняться чем угодно и куда угодно отправиться. За приличное вознаграждение. Любое неразумное предложение будет принято». Как бы ты воспринял такое объявленьице?

— Как розыгрыш или как бред сумасшедшего.

— Ну разве это бред? Никакого сравнения с тем бредом, который я прочла сегодня утром. Совершенно замечательное объявление. Начиналось с имени Петунья, а подписано было «Самый лучший мальчик». — Она вырвала листок и протянула его Томми. — Ну, вот. Я думаю, лучше всего это

поместить в «Таймс». Обратный адрес: почтовый ящик номер такой-то. Будет стоить пять шиллингов¹. Вот мои полкроны.

Томми вдумчиво изучал текст, лицо его заметно покраснело.

— Может, действительно попробовать? — сказал он наконец. — А, Таппенс? Просто для смеха?

— Томми, ты молодец. Я знала, что ты согласишься. Выпьем за наши будущие успехи! — Она разлила по чашкам остатки остывшего чая. — За наше совместное предприятие! Пусть оно процветает!

— «Молодые авантюристы» с ограниченной ответственностью! — подхватил Томми.

Они поставили чашки и немного смущенно засмеялись. Таппенс встала.

— Ну, мне пора возвращаться в мои роскошные апартаменты.

— А я, пожалуй, прогуляюсь пешком до «Ритца», — сказал Томми с усмешкой. — Где и когда встретимся?

— Завтра в двенадцать в метро на Пикадилли. Тебе удобно?

— Я целиком собой располагаю, — величественно объявил мистер Бересфорд.

¹ Шиллинг — денежная монета, равная одной двадцатой фунта стерлинга и двенадцати пенсам; чеканилась в Англии до 1971 года, когда страна перешла на десятичную монетную систему, при которой 1 фунт стерлингов = 100 новым пенсам; ниже крона — монета, исторически равная пяти шиллингам.

— Тогда пока, до завтра.

— До скорого, старушка.

И они разошлись в разные стороны. Общежитие Таппенс находилось в районе, который слишком великодушно именовался Южной Белгрейвией¹. Из экономии она не села в автобус. И уже прошла половину Сент-Джеймского парка², как вдруг вздрогнула от неожиданности, услышав за спиной мужской голос:

— Простите, не могли бы вы уделить мне несколько минут?

Глава 2

ПРЕДЛОЖЕНИЕ МИСТЕРА ВИТТИНГТОНА

Таппенс резко обернулась, но приготовленные слова так и не сорвались с ее языка, ибо внешность и манера держаться окликнувшего ее человека на чисто опровергли ее естественные предположения. Она озадаченно молчала, а он, словно прочитав ее мысли, быстро сказал:

— Уверю вас, вам не стоит меня опасаться.

И Таппенс успокоилась. Хотя незнакомец естественно должен был вызвать у нее неприязнь и недоверие, она чувствовала, что у него нет тех наме-

¹ Белгрейвия — фешенебельный район Лондона недалеко от Гайд-парка.

² Сент-Джеймский парк — парк в центральной части Лондона, в котором по всей длине тянется озеро с редкой водоплавающей птицей.

рений, которые она поначалу ему приписала. Высокий мужчина, чисто выбритый, с тяжелой челюстью. Под ее пристальным взглядом маленькие хитрые глазки заюлили.

— Так в чем же дело? — спросила она.

Он улыбнулся.

— Я случайно услышал часть вашей беседы с молодым джентльменом в «Лайонсе».

— И что же?

— Да ничего. Только я подумал, что могу оказаться вам полезен.

— Ага, вот оно что! Значит, вы все время шли за мной?

— Я позволил себе такую вольность.

— И чем, по-вашему, вы можете оказаться мне полезным?

Он достал из кармана визитную карточку и с поклоном протянул ей. Таппенс внимательно ее прочла: «Мистер Эдвард Виттингтон». Под фамилией было написано «Эстонское стекло» и адрес лондонской конторы. Мистер Виттингтон сказал:

— Зайдите ко мне завтра утром в одиннадцать, я изложу вам мое предложение.

— В одиннадцать? — с сомнением повторили Таппенс.

— В одиннадцать.

— Ладно, приду, — решительно сказала она.

— Благодарю вас, всего хорошего. — Он элегантно жестом приподнял шляпу и ушел.

Таппенс несколько секунд смотрела ему вслед.

Затем передернула плечами, словно терьер, стряхивающий воду с шерсти.

— Приключения начинаются, — пробормотала она. — Интересно, что ему от меня нужно? Есть в вас нечто такое, мистер Виттингтон, что мне очень и очень не нравится. И все же я ни капельки вас не боюсь. Сколько раз мне приходилось твердить: «Малютка Таппенс умеет за себя постоять, можете не сомневаться!» — я готова повторять это снова!

И, тряхнув головой, она быстро пошла вперед. Однако кое-какие соображения заставили ее свернуть с дороги и зайти на почту. Там она несколько минут размышляла, держа в руке телеграфный бланк. Мысль о том, что пять шиллингов могут быть потрачены зря, перевесила остальные соображения. И она решила рискнуть всего девятью пенсами.

Презрев скрипучее перо и густую черную патку, которыми благотельное почтовое ведомство снабжает свои отделения, Таппенс вынула карандаш Томми, который нечаянно присвоила, и быстро написала: «Объявление не помещай. Объясню завтра», указав адрес клуба Томми, с которым ему на следующий месяц, видимо, предстояло расстаться — если только судьба не смилостивится и не пошлет денег на ежегодный взнос.

— Может, он успеет ее получить, — пробормотала Таппенс. — Может, и повезет.

Расплатившись, она поспешила домой, заглянув лишь в булочную, чтобы купить свежих плюшек на три пенса. Расположившись в своей камерке под крышей, она жевала плюшки и размышляла

о будущем. Что за фирма «Эстонское стекло» и зачем там могли понадобиться ее услуги? Ее охватило приятное волнение. В любом случае отчий кров снова отодвинулся далеко на задний план. Будущее уже не казалось столь безнадежным.

Ночью Таппенс долго не могла заснуть, а потом ей приснилось, что мистер Виттингтон поставил ее мыть груды штукоев из эстонского стекла, которые почему-то жутко напоминали госпитальные тарелки.

Было без пяти минут одиннадцать, когда Таппенс приблизилась к зданию, в котором размещалась контора фирмы. Прийти раньше означало бы проявить недипломатичную заинтересованность. А потому она решила прогуляться до конца улицы и лишь ровно в одиннадцать нырнула в подъезд. Фирма «Эстонское стекло» была расположена на верхнем этаже. В здании имелся лифт, но Таппенс предпочла подняться по лестнице. Слегка запыхавшись, она остановилась перед дверью, на матовом стекле которой краской было выведено: «Эстонское стекло и К^о».

Таппенс постучала. Изнутри донесся голос, слышалось что-то вроде «войдите». Она повернула ручку и оказалась в небольшой, довольно грязной приемной.

Пожилой клерк соскользнул с высокого табурета у конторки возле окна и вопросительно на нее посмотрел.

— Меня ждет мистер Виттингтон, — сказала Таппенс.

— Сюда, пожалуйста. — Он подошел к внутренней двери, постучав, открыл ее и пропустил Таппенс внутрь.

Мистер Виттингтон сидел за большим письменным столом, заваленным бумагами. Таппенс поняла: вчерашнее впечатление ее не обмануло, в мистере Виттингтоне действительно чувствовалось что-то подозрительное. С одной стороны, холеная физиономия преуспевающего дельца, с другой — бегающие глазки — сочетание несимпатичное.

Он оторвался от бумаг и кивнул.

— Та-ак, значит, все-таки пришли? Отлично. Садитесь, прошу вас.

Таппенс опустилась на стул напротив. Такая миниатюрная, такая застенчивая. Скромно потупив глазки, она ждала, а мистер Виттингтон все шуршал и шуршал своими бумагами. Наконец он отодвинул их в сторону.

— А теперь, милая барышня, перейдем к делу. — Его широкое лицо расплзлось в улыбке. — Вам нужна работа? Ну, так я могу вам кое-что предложить. Сто фунтов на руки и оплата всех расходов. Что скажете? — Мистер Виттингтон откинулся на спинку кресла и засунул большие пальцы в проймы жилетки.

Таппенс настороженно посмотрела на него и спросила:

— А что мне предстоит делать?

— Ничего. Практически ничего. Приятное путешествие, и только.

— Куда?

Мистер Виттингтон снова улыбнулся.

— В Париж.

— О-о! — задумчиво произнесла Таппенс, а про себя подумала: «Слышал бы это мой папочка, его бы удар хватил. Но мистер Виттингтон в роли Дон Жуана... — что-то не представляю».

— Да, — продолжал Виттингтон, — что может быть чудеснее? Отвести стрелки часов на несколько лет назад, всего лишь года на два-три, не больше. И вновь поступить в один из тех очаровательных пансионеров для молодых девиц, какими изобилует Париж...

— В пансион?! — вырвалось у Таппенс.

— Вот именно. Пансион мадам Коломбье, авеню де Нейи.

Таппенс прекрасно знала это имя. Пансион для избранных! Несколько ее американских подруг в свое время учились там. Ее недоумению не было границ.

— Вы хотите, чтобы я поступила в пансион мадам Коломбье? И на какой срок?

— Пока не знаю, возможно, месяца на три.

— Это все? И никаких других условий?

— Никаких. Разумеется, вы поступите туда под видом моей подопечной и не станете поддерживать никакой связи со своими близкими. Пока будете находиться там, никто не должен знать, где вы находитесь. Это мое условие. Да, кстати, вы ведь англичанка?

— Да.

— Но говорите вы с легким американским акцентом.

— В госпитале я дружила с одной американкой. Возможно, заразилась от нее. Но мне ничего не стоит от него избавиться.

— Нет-нет. Даже лучше, если вас примут за американку. Не придется изобретать подробности вашей прошлой жизни. Да, так оно будет лучше. Итак...

— Минуточку, мистер Виттингтон, вы, кажется, решили, что я уже согласилась?

Виттингтон посмотрел на нее с удивлением.

— Неужели вы хотите отказаться? Уверяю вас, пансион мадам Коломбье чрезвычайно фешенебельное заведение. А оплата весьма щедрая...

— Вот именно, — сказала Таппенс. — В том-то и дело. Оплата слишком щедрая, мистер Виттингтон. Я не понимаю, зачем вам платить мне такие деньги?

— Не понимаете? — мягко сказал Виттингтон. — Ну хорошо, я вам объясню. Конечно, я мог бы найти кого-нибудь еще за гораздо меньшую сумму. Но раз уж мне требуется благовоспитанная барышня, причем умная и находчивая, способная хорошо сыграть свою роль и к тому же умеющая не задавать слишком много вопросов, я готов платить.

Губы Таппенс тронула улыбка. Очко в пользу Виттингтона.

— И еще. Вы пока не упомянули про мистера Бересфорда. Как будет с ним?

— Мистер Бересфорд?

— Мой компаньон, — с достоинством ответила Таппенс. — Вчера вечером вы видели нас вместе.

— Ах да. Но, боюсь, его услуги нам не понадобятся.

— В таком случае нам не о чем больше разговаривать! — отрезала Таппенс, вставая. — Либо мы оба, либо... извините. Очень сожалею. Будьте здоровы, мистер Виттингтон.

— Погодите. Попробуем что-нибудь придумать. Садитесь, мисс... — Он вопросительно умолк.

Таппенс вспомнила про архидьякона, и ей стало совестно. Она выпалила первое пришедшее в голову имя:

— Джейн Финн... — И так и осталась с открытым ртом, ошеломленная действием, которое возымело это простенькое имя. Маска добродушия сползла с лица Виттингтона. Он побагровел от ярости. На лбу вздулись жилы. Но весь его гнев не мог скрыть мучительной растерянности. Перегнувшись через стол, он свирепо прошипел:

— Извольте развлекаться?

Таппенс, хоть и была захвачена врасплох, сохранила ясность мысли. Она понятия не имела, что он имел в виду, но мигом сообразила, что расслабляться ей в любом случае не следует. А Виттингтон продолжал:

— Решила со мной поиграть, точно кошка с мышкой? С самого начала знала, зачем мне понадобилась, и разыгрывала дурочку? Знала? — Он постепенно успокаивался, лицо его обретало обычный цвет.